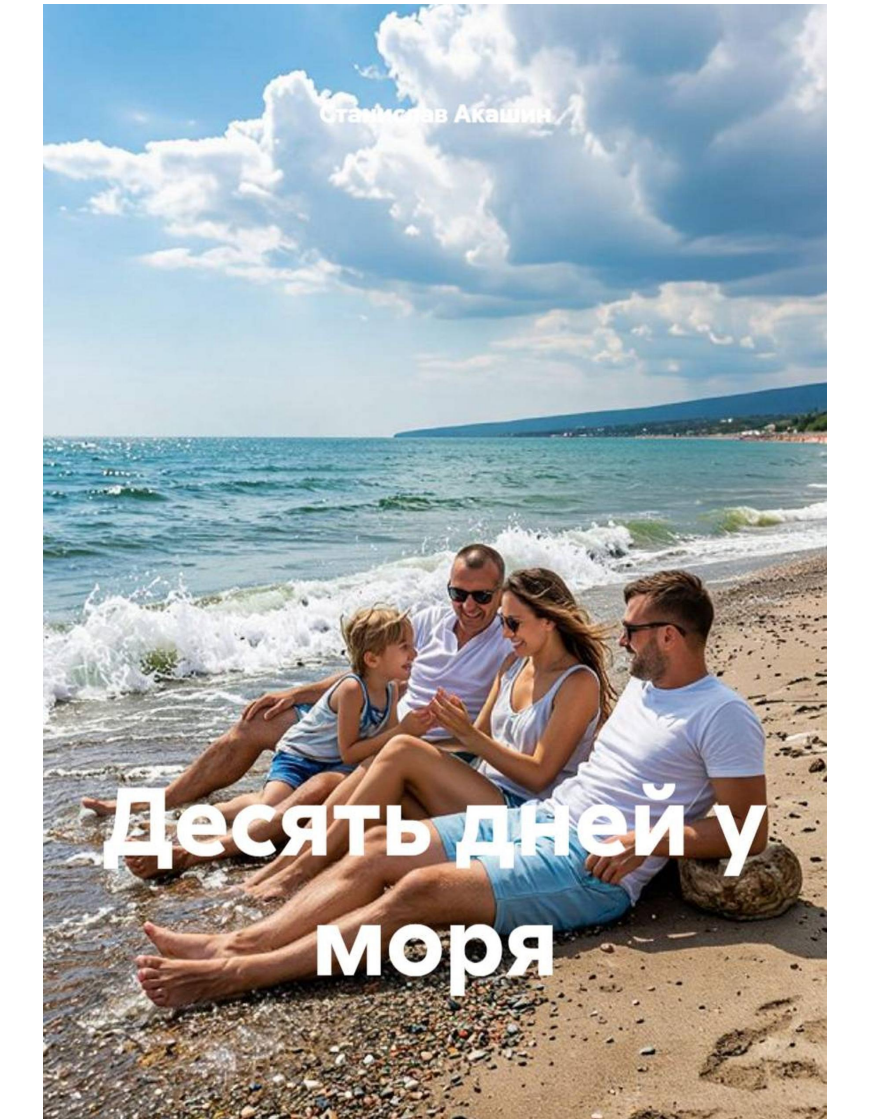

Станислав Акашин

Десять дней у моря

Станислав Акашин

Десять дней у моря

<https://litres.ru/74687513>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Десять дней у моря» — повесть о том, как обычное путешествие становится дорогой к близости. Семья — муж, жена и родители — едет к морю, чтобы побыть вместе, и в пути незаметно меняется: учится видеть красоту в непогоде, ценить тишину, понимать друг друга без слов. Море встречает их не штилем, а ветром и волнами, а вечер у костра сплетает воспоминания и мечты в одну семейную историю. Обратный путь и возвращение домой показывают главное: они стали ближе. Настоящее приключение — в умении быть вместе: в шторм и в штиль, в дороге и дома, в маленьких ритуалах, которые становятся самыми ценными воспоминаниями.

Станислав Акашин

Десять дней у моря

Глава 1. «Сбор в дорогу»

Раннее утро. Солнце уже лезет в окна, будто торопит: «Ну, поехали уже!» В квартире — хаос из сумок, пакетов и свернутых пледов. Кажется, что вещей столько, будто мы не на море едем, а переезжаем в другой город.

— Ты серьёзно берёшь три кофты? Там же жара! — мама сдвигает брови и аккуратно вытаскивает из чемодана ещё одну футболку. — Нам главное — купальники, крем от солнца и чтобы еда не испортилась в дороге.

Папа молча проверяет список на листке, который сам же и написал ещё неделю назад. Он вообще любит списки: «Документы, аптечка, запасное колесо, трос, фонарик...» Как будто мы не в Пицунду, а в экспедицию на край света.

Ты в коридоре проверяешь машину: заглядываешь под капот, крутишь колёса, перекладываешь аптечку из одного угла багажника в другой, чтобы «легла ровно». Навигатор уже заряжен, карта скачана, но ты всё равно на всякий случай смотришь прогноз погоды ещё раз. Тебе важно, чтобы всё было под контролем — особенно потому, что для жены это первое море.

Она стоит у окна, тихая и счастливая. Смотрит, как двор потихоньку просыпается: дворник сметает листья, сосед вы-

гуливает собаку, на детской площадке ещё пусто. В её глазах — спокойное предвкушение, будто она уже чувствует солёный ветер, хотя до моря ещё два дня дороги.

— Может, ещё термос возьмём? — папа поднимает голову от списка. — В дороге чай всегда кстати.

— Пап, мы же не на рыбалку, — ты улыбаешься, но киваешь. — Ладно, термос так термос.

Мама вздыхает, но в этом вздохе нет настоящей усталости — только привычная забота:

— Главное, чтобы никто в дороге не проголодался. Я бутерброды уже сделала, положила в контейнер. И банан для тебя, — она кивает жене. — Ты же любишь бананы?

Жена кивает, улыбается и вдруг говорит тихо, но так, что все слышат:

— Я просто хочу увидеть море. Чтобы оно было большое, тёплое и чтобы волны шептали что-то своё.

И в этот момент суета будто чуть-чуть затихает. Все на секунду замирают, будто прислушиваются не к квартире, а к этому будущему морю.

Ты ловишь её взгляд и понимаешь: ради этого стоило затеять всю эту беготню с чемоданами, списками и термосами. Ради того, чтобы она впервые увидела, как горизонт сливается с водой, и поняла, что море — настоящее.

— Всё, — ты застёгиваешь последний рюкзак и хлопаешь

ладонью по боку машины. — Мы готовы.

Мама улыбается, папа кивает, жена берёт тебя под руку, и вы выходите за дверь — туда, где дорога уже ждёт.

Глава 2. «Выезд: город остаётся позади»

Первые километры даются странно — будто машина всё ещё «привязана» к дому. Ты держишь руль чуть крепче обычного, стараешься держать ровный темп, не гнать: впереди два дня дороги, спешить некуда. Главное — чтобы всем было спокойно.

Навигатор бодрым голосом предлагает свернуть к ближайшей заправке. Вы заезжаете, и этот момент — как маленький рубеж. Город уже где-то позади, а впереди — трасса, простор и бесконечная лента асфальта. Ты выходишь из машины, вдыхаешь воздух: он другой, не городской. В нём меньше пыли, больше ветра.

— Ну что, полный бак? — папа кивает на колонку, будто заправляться — это уже начало приключения. — И кофе возьми, если будет. Дорога длинная.

Мама, как всегда, думает наперёд:

— Посмотри, чтобы крышка плотно закрылась. А то тряхнёт на кочке — и потечёт.

Ты киваешь, улыбаешься: знаешь, что она волнуется не из-за крышки, а просто так, по-родительски.

Жена выходит из машины и замирает на секунду, будто прислушивается к чему-то важному. Потом достаёт теле-

фон, снимает короткое видео: не пейзаж, а мелочи — каплю бензина, стекающую по горловине, тень от крыши колонки, как ветер шевелит сухую траву у обочины.

— Хочу запомнить даже это, — говорит она тихо, будто оправдываясь, но в голосе — чистый восторг. — Всё-всё.

Ты подходишь, стоишь рядом. Она поднимает глаза, улыбается:

— Представляешь, через несколько часов мы будем ехать мимо полей, лесов... А потом — горы. А потом — море.

В этом «потом» столько ожидания, что ты невольно улыбаешься в ответ.

Пока ты расплачиваешься, родители садятся обратно в машину. Из приоткрытого окна доносится их тихий разговор — не о дороге даже, а о чём-то своём, привычном: о том, как раньше ездили на юг на старой «шестёрке», как ночевали в палатке у реки, как мама пекла пирожки в дорогу, и они были тёплыми до самого обеда. Ты ловишь обрывки фраз и вдруг чувствуешь, как эта поездка — не просто «мы едем к морю», а как будто продолжение чего-то большого, семейного.

Вы снова в пути. Город медленно тает за спиной: высотки сменяются пятиэтажками, пятиэтажки — частными домами, а потом и вовсе остаются только поля, столбы и редкие указатели. Светофоры исчезают, вместо них — заправки, кафе с яркими вывесками, таблички с названиями городов.

Ты стараешься ехать ровно, чтобы машину не трясло, чтобы всем было комфортно. В зеркале видно, как жена снова смотрит в окно, ловит каждую деталь: стаю птиц, улетающих в сторону, поворот дороги, который прячется за холмом, старый дорожный знак, наполовину скрытый кустами. Она записывает в телефон названия городов — будто собирает их, как камешки на пляже.

— Смотри, «Воронежская трасса», — шепчет она, будто это не просто название, а пароль в другой мир. — Я даже не знала, что у трасс бывают имена.

Папа усмехается:

— У трасс, у поворотов, у ям... У всего есть имя, если долго ездить.

Мама тихо напевает старую песню, которую ты помнишь с детства. И вдруг в этой машине, на этой дороге, среди всех этих деталей — в запахе кофе из стаканчика, в шуме колёс, в тёплом свете дня — ты понимаешь: это уже не просто поездка. Это приключение. Настоящее.

И оно началось не тогда, когда ты завёл мотор, и не когда выехал со двора. Оно началось в ту секунду, когда жена сказала: «Хочу запомнить даже это».

Город остался позади. Впереди — дорога. И море, которое ждёт.

Глава 3. «Первая усталость и первый привал»

К середине дня монотонный гул мотора и ровная лента

трассы начинают потихоньку вытягивать силы. Даже папа, который всю дорогу бодро комментировал знаки и повороты, теперь сидит чуть тише, будто бережёт голос для чего-то важного. Мама время от времени поглядывает в окно, будто ищет хоть какой-то ориентир, который скажет: «Ещё немного, и можно выдохнуть».

Ты чувствуешь эту усталость не столько телом, сколько спиной и плечами — руль будто стал чуть тяжелее, а дорога — длиннее. Но ты не торопишься, не давишь на газ. Два дня пути не выигрывают на скорости, их выигрывают на спокойствии.

— Тут есть одно кафе, — ты киваешь на указатель, который мелькнул ещё за пару километров. — Не шикарное, зато проверенное. И площадка большая — можно нормально размяться.

Мама тут же оживляется:

— Хорошо бы чаю. Настоящего, в стакане с подстаканником, как в поездах. Или хотя бы просто горячего.

Папа хмыкает:

— Главное, чтобы туалет был чистый. Остальное — дело десятое.

Жена улыбается, но в улыбке — не веселье, а облегчение:

— Я просто хочу постоять. И подышать не кондиционе-

ром, а... ну, вот этим. Трассой.

Ты ловишь её взгляд и киваешь: именно так. Не городом, не парком, а именно трассой — её особым запахом, который ни с чем не путаешь.

Вы сворачиваете с трассы, и сразу будто попадаешь в отдельный маленький мир: стоянка, несколько грузовиков, запах жареного теста из кафе, лёгкий ветер, который тут гуляет свободнее, чем на шоссе. Ты паркуешься в тени, глушишь мотор, и тишина после его гула кажется почти оглушающей.

Все выходят из машины по-разному: папа — сразу деловито, будто проверяет территорию, мама — осторожно, разминая колени, жена — медленно, будто боится спугнуть этот момент. А ты стоишь у открытой двери, делаешь глубокий вдох и чувствуешь, как плечи наконец опускаются.

В кафе пахнет чаем, выпечкой и чем-то ещё, домашним, будто кто-то тут просто живёт и варит суп. Берёте бутерброды, чай в пластиковых стаканах — не то, что дома, но сейчас это кажется самым вкусным на свете.

— Смотри, — жена тянет тебя к краю стоянки, где начинается поле. — Там ромашки. Настоящие, дикие. И ветер их качает, как волны.

Ты смотришь туда, куда она показывает, и вдруг видишь: поле и правда похоже на море — только вместо воды тут трава и цветы, а вместо прибоя — ветер.

Она втягивает воздух, закрывает на секунду глаза и шепчет:

— Вот он, этот запах. Пыль, нагретый асфальт, трава... Я его запомню. Он пахнет дорогой.

Ты улыбаешься и понимаешь: даже привал здесь — не просто «поесть и дальше». Это часть истории. Маленькая, но своя.

Пока родители доедают бутерброды и обсуждают, сколько ещё ехать, жена достаёт телефон и снимает короткое видео: не кафе, не еду, а то, как ветер шевелит ромашки, как по асфальту бежит тень от облака, как грузовик медленно выезжает на трассу и растворяется в зное.

— Это для нас, — говорит она, будто оправдываясь, но ты знаешь: она не оправдывается. Она собирает этот день по кусочкам, чтобы потом, когда всё станет просто «мы ездили на море», можно было нажать на кнопку и снова почувствовать этот ветер.

Ты подходишь, кладёшь ладонь ей на плечо, и она прижимается к тебе на секунду — просто чтобы поделиться теплом и усталостью, которая сейчас приятная, дорожная.

— Ещё немного, — тихо говоришь ты. — Потом будет серпантин, потом граница, потом Пицунда. И море.

Она кивает, улыбается и снова смотрит на ромашки:

— Пусть они будут нашей первой остановкой. Той, где мы поняли, что уже едем. По-настоящему.

И ты знаешь: да. Это и правда первая настоящая останов-

ка. Не просто привал, а рубеж. Город остался далеко позади, впереди — дорога, которая ведёт к морю. И вы по ней уже идёте. Вернее, едете. Но всё равно — идёте.

Глава 4. «Темнеет, и мы ищем ночлег в Краснодаре»

День будто стёк с неба вместе с последними лучами солнца. Сумерки накрыли город быстро, по-южному — не растягивая переход от дня к ночи. Ты смотришь на часы и понимаешь: день забрал силы незаметно, по капле, а теперь эта капля стала ведром. В плечах — тупая усталость, в голове — одна простая мысль: «Нужно остановиться».

Краснодар встречал вас шумом, светом и пробками, которые навигатор раскрасил в густой бордовый. Каждый манёвр давался чуть тяжелее, чем утром: ты уже не просто вёл машину, ты её берег, себя берег, берег всех, кто сидел внутри.

— Ну что, ищем отель? — голос у тебя спокойный, но в нём слышится облегчение от того, что можно наконец перестать выбирать полосу и просто ехать туда, где можно выйти и постоять на твёрдой земле.

Папа, который весь день был главным наблюдателем за дорогой, теперь будто сдал вахту:

— Хоть какой-нибудь, лишь бы с нормальной парковкой. Чтобы не надо было кружить полчаса, выискивая, куда при-
ткнуть машину.

Мама тут же добавила своё, самое важное:

— И чтобы душ был. Горячий. И чистое бельё. Остальное — потом.

Жена сидела тихо, но ты чувствовал, как она старается держаться бодро, будто не хочет никого грузить своей усталостью. Она смотрела в окно, где город мелькал огнями, и шепнула:

— Он такой большой... И живой. Как будто не спит никогда.

Ты улыбнулся и тихо сказал:

— Сейчас найдём тихий уголок. И он будет наш, хоть на одну ночь.

Поиск отеля превратился в маленькое испытание. Одни места были заняты, у других парковка оказывалась «только для гостей ресторана», третьи выглядели так, будто лучше проехать дальше. Ты методично листал варианты, сверял адреса, прокладывал маршруты, а навигатор услужливо подсказывал: «Маршрут перестроен».

Наконец нашлось место — не пятизвёздочный люкс, но чистое, спокойное, с закрытой стоянкой, куда ты загнал машину с таким чувством, будто причалил к берегу после шторма.

— Есть! — ты хлопнул ладонью по рулю, и этот звук прозвучал как «мы дома, хоть и на одну ночь».

В номере пахло свежим постельным бельём и чем-то ней-

трально-отельным — запахом тишины. Все будто выдохнули одновременно. Мама сразу пошла проверять ванную, папа сел на кровать, попробовал матрас рукой, кивнул: «Нормально», а потом упал спиной и рассмеялся:

— Вот это я понимаю — комфорт. Просто лежать и никуда не ехать.

Ты стоял у окна, разбирал сумки, а жена подошла, встала рядом. Она не говорила ничего, просто стояла, смотрела на огни города, которые рассыпались внизу, как гирлянда.

— Красиво, — сказала она тихо. — Даже не думала, что город вечером может быть таким... уютным. Как будто он нас принял.

Поздний ужин был простым: пара бутербродов из того, что взяли с собой, горячий чай из кулера на этаже, шоколадка, которую мама берегла «на всякий случай». Ели не спеша, почти молча, потому что слова сейчас были лишними. Усталость была не тяжёлой, а правильной — дорожной. Той, после которой особенно сладко отдыхать.

Когда все улеглись, в комнате повисла тишина, которую нарушали только редкие звуки города за окном — проезжающая машина, чей-то смех на улице, далёкий гудок. Ты думал, что жена сразу уснёт, но нет: она лежала, не закрывая глаз, и смотрела в окно.

Ты подошёл, сел на край кровати, тихо спросил:

— Не спится?

Она покачала головой, улыбнулась:

— Просто хочу запомнить этот вечер. Эти огни. Этот город. Сегодня мы столько проехали... А теперь вот лежим, и всё тихо. И я думаю: а завтра будет серпантин, граница, Пицунда... И море. Настоящее.

Ты накрыл её руку своей:

— Завтра будет всё. Но сегодня у нас есть эта ночь. И этот город, который дал нам крышу и тишину.

Она кивнула, всё ещё улыбаясь, и наконец закрыла глаза, но улыбка осталась — будто держала этот день, не хотела отпускать.

А ты ещё немного посидел, послушал, как ровно дышит жена, как тихо сопит папа, как мама что-то бормочет во сне. И понял: эта остановка — не просто ночлег. Это пауза, чтобы выдохнуть, собраться и поехать дальше. К морю, которое уже совсем близко.

Глава 5. «Утро в Краснодаре: новый старт»

Утро в Краснодаре наступало не по-северному — быстро, щедро, будто город не хотел терять ни минуты света. Солнце уже стояло высоко, заливало парковку золотистым светом и рисовало на асфальте длинные тени от деревьев. В воздухе пахло нагретым бетоном, свежей выпечкой из соседнего кафе и чем-то неуловимо южным — лёгкой пряностью, будто

лето здесь начинало работать раньше, чем в других местах.

Быстрый завтрак получился по-семейному суетливым, но уютным. Мама раскладывала бутерброды по контейнерам, папа проверял, не забыли ли ключи от машины и документы, а ты старался ничего не упустить: аптечка на месте, навигатор заряжен, бак почти полный. Ты делал всё это не спеша, но и не медля — чувствовал, что сегодня дорога будет другой: не просто «едем дальше», а уже почти там, уже на подступах к главному.

— Ну, вроде всё, — ты щёлкнул крышкой бардачка и выдохнул. — Можно и постоять немного. Просто подышать.

Ты специально оставил эти десять минут — не для дел, а чтобы просто постоять у машины, почувствовать, как утренний ветер шевелит волосы, как солнце греет плечи. Это была твоя маленькая водительская традиция: перед большим отрезком пути дать себе минуту тишины, чтобы собраться.

Жена стояла чуть в стороне, с телефоном в руках. Она не снимала широкие панорамы и не пыталась поймать «красивый кадр». Вместо этого ловила мелочи: тень от дерева, лёгкими зубчатыми краями ложившуюся на асфальт; сумку, небрежно брошенную на заднее сиденье; блик на лобовом стекле, который вспыхивал и гас, как маленькая молния.

— Смотри, — она тихо позвала тебя, не отрываясь от экрана. — Вот эта тень... Она как волна. Будто море уже здесь, просто прячется в узорах света.

Ты подошёл, встал рядом, посмотрел на её экран. На нём

— не пейзаж, а крошечный мир: угол машины, тень, кусочек неба. И в этом было столько внимания, столько любви к деталям, что ты улыбнулся.

— Ты собираешь свой собственный альбом, да? — тихо спросил ты.

Она кивнула, улыбнулась, не поднимая глаз от телефона:

— Да. Чтобы потом, когда мы будем сидеть дома и вспоминать эту поездку, я могла нажать на кнопку и снова почувствовать этот ветер. И этот свет. И даже эту усталость, которая сейчас приятная.

Папа, услышав ваши голоса, подошёл, хлопнул тебя по плечу:

— Готов? Тогда поехали. Сегодня у нас серпантин. А я, признаться, люблю серпантины. Там видно, на что машина способна, да и виды... такие, что дух захватывает.

Мама покачала головой, но в её взгляде была не тревога, а привычная забота:

— Только не гони. И если почувствуешь, что устал — сразу скажи. Мы не на гонку едем.

Ты кивнул, улыбнулся:

— Не волнуйся. Я всё чувствую. И машину, и дорогу, и всех вас.

Вы садились в машину уже не как вчера — не как люди, которые только начинают путь, а как команда, которая успела притереться друг к другу. Папа привычно устраивался на переднем сиденье, мама поправляла плед на коленях, жена смотрела в окно, будто боялась пропустить первую деталь нового дня.

Ты завёл мотор, и он отозвался ровно, уверенно — будто тоже отдохнул за ночь. Навигатор тихо предложил маршрут, и ты кивнул ему, как старому знакомому: «Да, именно туда».

Машина тронулась, и город начал медленно открываться с другой стороны: не шумный и беспокойный, как вечером, а спокойный, умытый утром, будто приглашал: «Проезжайте, я вас не задержу». Ты держал руль спокойно, чувствовал, как дорога ложится под колёса, и знал: впереди будет непросто — серпантин, граница, новые эмоции. Но сейчас, в эти первые километры нового дня, всё было правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.